

В. А. Левенталь,
К. А. Рогова,
А. Д. Степанов

DOI: 10.24412/1811-1629-2022-3-72-79

СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕНДЕНЦИИ, ЯЗЫК

VADIM A. LEVENTAL, KIRA A. ROGOVA, ANDREI D. STEPANOV
MODERN RUSSIAN LITERATURE: DIRECTIONS, TRENDS, LANGUAGE

Вадим Андреевич Левенталь

Писатель, публицист, издатель
► vadim.levental@gmail.com

Vadim A. Levental

Кира Анатольевна Рогова

Доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
► kira.rogova.31@mail.ru

Андрей Дмитриевич Степанов

Доктор филологических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный
университет
► pp2998@mail.ru

199034, Россия, Санкт-Петербург,
Университетская наб., 7–9

Vadim A. Levental
Writer

Kira A. Rogova, Andrei D. Stepanov
St. Petersburg State University
7–9, Universitetskaya nab.,
St. Petersburg, Russia, 199034

В докладах было обращено внимание на процесс деконструкции литературы советского прошлого, отмечены попытки вернуться к «новому» реализму при одновременно происходящем «истончении реальности» до гротеска и абсурда, а также отчётливые проявления интереса к историческому повествованию, отражающему поиск истоков современности в более или менее отдалённом прошлом. В область интересов литературы попали распространённые фобии современного общества и самые обсуждаемые темы как ответы на распространённые вопросы национальной, гендерной, политической и проч. повестки. Подчёркнут процесс поисков не только новой фактуры, новых тем и новой актуальности, но и форм «новой занимательности». Отмечено, что необходимость в ней назрела, поскольку потенциал занимательности как традиционного психологического реализма, так и получившего чрезвычайно широкое распространение в последние два десятилетия автофикшна лимоновского типа, по мнению одного из докладчиков, значительно иссяк. Тем не менее молодыми писателями до сих пор отмечается влияние (поэтики) автофикшна на их творчество. Своего рода иллюстрацией особенностей отмеченного направления стал предложенный К. А. Роговой анализ повести Т. Риздвенко «Ротонда-трип. История одного проекта». В докладах были отмечены произведения и их авторы, с наибольшей очевидностью проявившие отмеченные тенденции развития современной литературы. В последующем диалоге-дискуссии со слушателями обсуждались вопросы, связанные с ролью литературы в понимании современной действительности: поиск ценностных ориентиров, своеобразии представления жизни, особенности формирования образа героя различными авторами, использование ресурсов языка в литературных произведениях. Отдельной темой для обсуждения стал вопрос о сложности отбора и интерпретации текстов современной литературы в курсе обучения русскому языку как иностранному.

Ключевые слова: современная литература; актуальность; изучение литературы в курсе русского языка как иностранного.

The roundtable reports have drawn attention to the process of deconstruction of the literature of Soviet past, on the attempts to return to the “new” Realism with the simultaneous “transformation of reality” to the level of grotesque and absurd, as well as on the distinct manifestations of interest in the historical narrative, reflecting the search in a more or less remote past. Contemporary literature is interested in widespread phobias of modern society, as well as in the most popular topics of discussions, answering to the national, gender, and political questions. The authors were emphasizing not only processes of looking for the new facts, topics and actuality, but also for the new entertainment, stating the need for it, since the potential for entertaining both in traditional psychological Realism and in the Edouard Limonov’s type of auto fiction, which was extremely popular in the last two decades, has been exhausted, as one of the speakers argued. Nevertheless, young writers are still influenced by the principles of auto fiction in their works. A kind of illustration of the features of this direction was the analysis of the story “Rotunda Trip. The Story of One Project” by Tatyana Rizdvenko, proposed by Kira A. Rogova. The speakers have also noted

the works and the authors, who are most obviously representing the marked trends in the development of modern literature. In the subsequent discussion, listeners and speakers of the roundtable were discussing the role of literature in understanding modern reality, i.e. the search for value guidelines, the originality of the representation of life, the features of the formation of the hero's image, and the use of language resources in literary works. A particular topic for discussion was the question of the complexity of the selection and interpretation of the modern literary texts in the course of teaching Russian as a foreign language.

Keywords: modern literature; relevance; study of literature in the course of Russian as a foreign language.

27 апреля 2022 г. на кафедре русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета СПбГУ состоялся Международный научно-методический круглый стол «Диалог о языке современной литературы», присутствовало online 130 человек, в том числе 22 иностранных участника, 11 студентов.

На заседании Круглого стола выступили с докладами:

Андрей Дмитриевич Степанов — литературовед, литературный критик, писатель и переводчик, доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы Санкт-Петербургского государственного университета;

Вадим Андреевич Левенталь — писатель, издатель ИД «Городец»;

Рогова Кира Анатольевна — профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.

А. Д. Степанов в своем докладе исходил из того, что для понимания тенденций, действующих в литературе 2020-х годов, следует обратиться к широкому контексту: многие современные тренды являются либо продолжениями, либо отрицаниями процессов, происходивших с начала современной постсоветской литературы. В начале 1990-х годов ее развитие шло по принципу отталкивания от предшественников, то есть писателей позднесоветской эпохи, так или иначе исходивших из принципа «отражения действительности», и потому наибольшее внимание привлекал радикальный проект деконструкции литературы прошлого (Владимир Сорокин). После этого разрушения вопрос стоял так: что можно возвести

на прежнем месте? Ведущие авторы 1990-х — 2000-х годов отвечали на него по-разному. Виктор Пелевин моделировал исчезающую, фантомную, замкнутую на себя реальность; действие его произведений всегда происходит в сознании субъекта. Алексей Иванов создавал исторические повествования на фэнтезийном каркасе, в которых трудно было отличить миф от засвидетельствованного в летописи факта. Этим тенденциям в 2000-е годы были противопоставлены попытки вернуться к «новому» реализму, однако и бытописание серой повседневности (Роман Сенчин), и радикальный реализм, изображающий человека в пограничных ситуациях (Захар Прилепин), могли быть новыми по темам, но не по своей поэтике. Писателям 2010-х годов приходилось выбирать один из двух уже проторенных путей: либо «фантазия», либо «действительность».

Творчество Алексея Сальникова, которого в середине 2010-х годов приветствовали как «новое слово» в русской литературе: это выбор обоих путей одновременно. Герои и обстановка романа «Петровы в гриппе и вокруг него», с одной стороны, напоминают депрессивные сочинения раннего Романа Сенчина, а с другой — и «Улисса» Джойса (мифологический подтекст), и пелевинские виртуальные миры: все происходящее может быть понято как фантазия главного героя; действие происходит не в спальных районах Екатеринбурга, а в уме Петрова. Такое «истончение реальности» до гротеска и абсурда, по мнению докладчика, в разной степени присуще почти всем авторам серии «Книжная полка Вадима Левенталья»: и Дмитрию Данилову, и Кириллу Рябову, и Владиславу Городецкому, и Александру Пелевину.

К этой же линии можно отнести и давно работающего в литературе Михаила Елизарова, в особенности его последний роман «Земля». Однако балансирование на грани реальности и фантазии — это состояние неустойчивого равновесия, долго удерживаться в нем литература не сможет, и впереди нас ждет какая-то совершенно новая культурная парадигма, которая будет определяться не только новой поэтикой (по-видимому, все возможные приемы уже исчерпаны), а новой социальной действительностью, в которую мы вступаем.

Доклад **В.А. Левенталя** был посвящен нескольким молодым авторам современной русской литературы, вошедшим в нее в последние годы. Докладчик обратил внимание на то, что в соответствии со знаменитым замечанием Б.М. Эйхенбаума, новые поколения в литературе ориентируются не столько на опыт «отцов» — от него они скорее отталкиваются, — сколько на опыт «дедов», который переосмыслиют. В этом смысле «дедовской» литературой для авторов-дебютантов становится русская литература позапрошлого десятилетия. Литература «нулевых» была ориентирована на острую социальную, актуальную политическую повестку, будь то политические агитки вроде «2008» С. Доренко или сиюминутные социальные модели вроде «Головоломки» А. Гарроса и А. Евдокимова (и те и другие, впрочем, ныне прочно забыты). Отталкиваясь от литературы «нулевых», литература 2010-х обратилась к материалу истории в поисках точки сборки современности в более или менее отдаленном прошлом от начала 1990-х («1993» С. Шаргунова) через весь XX век («Обитель» З. Прилепина, «Каменный мост» А. Терехова, «Зимняя дорога» Л. Юзефовича и др.) к более глубокой древности («Лавр» Е. Водолазкина», «Филэллин» Л. Юзефовича). Как это обычно и бывает, поиски выродились в приемы низовой, массовой литературы («Зулейха открывает глаза» Г. Яхиной и др.). Авторы, входящие в литературу на излете 2010-х и в начале 2020-х, отказываются от «исторической» оптики и снова обращаются к современным им материалу и формам, впрочем, по сравнению с «дедами», само собой, на новом историческом витке, да и каждый на свой лад. Кирилл Рябов (романы «Пёс», «Никто не вернется», сборники рассказов «Висельники», «Щель», «Фашисты») соединяет традиции абсурдизма, мрачную иронию и эстетику спальных районов для создания убедительного, хотя в известной степени и издевательского, портрета современного мегаполиса и его обитателей. Владислав Городецкий (сборник рассказов «Инверсия Господа моего») обращается к распространенным фобиям современного общества и самым обсуждаемым темам, чтобы смоделировать ближайшее будущее и так ответить на самые распространенные

ответы национальной, гендерной, политической и проч. повестки. Такие авторы как, Степан Гаврилов (роман «Рожденный проворным»), Антон Ботев (роман «Пьяный полицейский») или Иван Шестаков (роман «Реприза»), создают современный уральский текст русской литературы, работая на материале, связанном с молодежными субкультурами, примешивая к нему изрядную долю традиционной для уральской литературы мистики. Авторы-женщины, такие как Оксана Васякина («Рана»), Алла Горбунова («Конец света, моя любовь»), Вера Богданова («Павел Чжан и прочие речные твари»), Ирина Левенталь («Мой секс»), хоть и очень по-разному, работают над репрезентацией женского субъекта в русской литературе по преимуществу травмированный, либо как преодолевающий травму. Ведутся не только поиски новой фактуры, новых тем и новой актуальности, но и новых форм, — «новой занимательности», как сформулировал докладчик. Необходимость в ней назрела, поскольку потенциал занимательности как традиционного психологического реализма, так и получившего чрезвычайно широкое распространение в последние два десятилетия автофикшна лимоновского типа, как представляется, если еще не до конца исчерпан, то уже во всяком случае значительно иссяк. Тут, помимо уже упоминавшихся авторов, нельзя упустить из виду Александра Пелевина (романы «Калинова яма», «Четверо», «Покров-17» и др.), соединяющего традиционные детективные и приключенческие сюжеты с находками из компьютерных игр и телесериалов. Интересны также модернистские по духу эксперименты Артема Серебрякова (роман «Фистула», сборник рассказов «Чужой язык») и Дмитрия Кудрова (сборник рассказов «Жить с вами»). Из сказанного ясно, что живая текущая русская литература находится в неустанным поиске форм, приемов и методов для осмысления современности — такой, какой она предстает перед молодым поколением авторов: разорванной, противоречивой и во многом пугающей. Нет никаких сомнений, что на этом пути будут достигнуты значительные и крайне любопытные результаты.

К. А. Рогова обратилась к отмеченному В. А. Левенталем направлению, получившему наименование автофикшн — «письмо о себе и про себя», влияние которого отмечают и молодые писатели [«Знамя» 2022, № 5]. Автофикшн, по определению, которое даёт интернет, — «это кросс-жанровое направление литературы, смесь автобиографии и художественной прозы, в которой реальные события и достоверные факты переплетаются с авторским вымыслом. Автофикшн допускает переплетение жанров, форм и форматов: эссе и репортажей, дневниковых записей и эпистолярной формы, потока сознания и фрагментарного повествования, прозы и даже поэзии» [источник: <https://blog.selfpub.ru/autofiction>]. Оно же характеризуется как «вымысел абсолютно достоверных событий и фактов».

К этого рода повествованиям можно отнести, например, книгу А. Д. Степанова «Исчезающее счастье литературы», где «научные статьи соседствуют с рецензиями, а мемуарные эссе — с пародиями. Объединяет их одна главная тема — литература в самом широком смысле слова» [Чупова 2021: 53]

Черты этого направления и его особенности в художественной литературе обнаруживает повесть Т. Риздвенко «Ротонда-трип. История одного проекта» (2021. Рец. Соловьёва: 2022). Её содержание представляется заголовочным комплексом, состоящим из приведённого названия, а также посвящения: *Всем ушедшим и здравствующим исследователям жизни и творчества Н. А. Львова посвящается* (с. 9)¹ и эпиграфа из научного издания, подтверждённого ссылкой в конце текста: *Хочется надеяться, что его история все же будет написана, пусть не мной, кем-либо другим, но с большим вдохновением и подлинным увлечением, с раскрытием всего художественного и своеобразного богатства его архитектурного дарования*. Михаил Ильин. Пути и поиски историка искусства (с. 9).

Так читатель получает первое представление о содержании повести, рассказывающей о путешествии группы молодых людей по местам, связанным с архитектурными произведениями Н. А. Львова (1751–1803), среди которых особое

место занимают здания часовни-ротонды Воздвижения Креста Господня, построенной в Торжке по проекту Львова, и ротонды-усыпальницы в родовом поместье Львовых в Никольском-Черенчицах, о которой архитектор писал: «Я всегда думал выстроить храм солнцу, чтобы солнце в лучшую часть лета сходило в дом свой покоиться». Храм Воскресения — одна из самых прекрасных ротонд русской архитектуры (источник: <https://naturka.ru/muzey-usadba/usadbanikolskoe-cherenchicy.html>).

С одной стороны, повесть — произведение о сегодняшней действительности, о путешествии молодых художников по пригородам Петербурга, по Тверской и Новгородской областям, с другой — рассказ о значительной личности русской культуры XVIII века в важный период её формирования.

Если подходить к тексту произведения с позиций, связанных с преподаванием РКИ, возможности извлечения текстового обучающего материала, то обе линии повествования, представляя познавательный интерес, могут быть использованы в своих тематически организованных компонентах.

Это описания эпизодов путешествия по темам: поселение в гостинице, ужин в кафе и номере, занятия во время остановок, посещение сельских магазинов и т. п., а также совсем другого рода: описание архитектурных произведений на фоне русского пейзажа, разговоры-размышления персонажей о творчестве, о жизни художника, авторские отступления.

Например, бытовые зарисовки: *накрыв стол в номере гостиницы, мы полюбовались сервировкой.*

Диссонанс вносил частичек в томате. Как его вообще сюда занесло? Кто впустил сюда эту рыбу?

Плебейскую закуску на бумажной тарелочке мы задвинули подальше, на задворки стола, но, конечно, не убрали, чтоб не обижать автора идеи.

Тем более что частичек был уже открыт и оранжеевел истошно.

В центре экспозиции возлежали сыры нескольких видов, купленные на вампирской ферме,

оттуда же хлеб с розмарином и красиво упакованная завитушка масла.

Овощи в ассортименте. Мясная нарезка.

Оливки, маслины, обязательно. Крошечные огурчики.

Пара очень хороших напитков и сколько-то напитков попроще.

Салфетки такие, салфетки всякие.

Неожиданно, сало (18).

Это описания с живыми деталями, язык их абсолютно адекватен сегодняшнему дню, включая характерные элементы разговорной речи.

Однако, как отмечалось выше, избранная форма повествования, автофикшн, допускает переплетение жанров и форматов, включая эссе, элементы фрагментарного повествования и даже поэзию. Всё это обнаруживается в данном тексте, отмеченном свободой композиции, временными смещениями, включением дополнительных сюжетов и действующих лиц, при наличии главного героя и стремления участников путешествия понять его национальный, исторически детерминированный характер.

Знакомство с Львовым начинается с посвящения. В самом же тексте первая встреча происходит при посещении Ротонды Воскрешения во время дождя, когда видны протечки, и становится ясно, почему в ней не сохранились росписи: *это и не реально...*

— Росписи, скорее всего, были сделаны Боровиковским². Собственно, именно Львов его и открыл, Володьку-богомаза, поручика в отставке, — во время таверического вояжа Екатерины, Львов был в свите. Привез его в Санкт-Петербург. Боровиковский долгое время жил у Николая Александровича дома, в его казенной квартире в Почтовом управлении. «...Малейшее отличие в какой-либо способности привязывало г-на Львова к человеку, и заставляло любить его, служить ему и давать все способы к усовершенствованию его искусства», — продекларировала библиотекариша с чувством. — У Львова было чутье на чужие таланты. Что совершенно особым образом его характеризует» (14).

Сообщение информативно насыщено: Львов занимался дипломатической деятельностью, он привлекал к своей работе художников,

обладал видением талантливых людей, любил их и по-настоящему помогал, что, согласимся, характеризует его совершенно особым образом.

Рассматривая портрет Львова, написанный Д.Г. Левицким, автор позволяет себе раздеть героя, включая таким образом описание и его костюма — человека XVIII века:

А ведь мужчина эпохи Просвещения не то же самое, что наш в меру подкачанный современник в ловких трусиках из Uniqlo.

Не будем ходить вокруг да около, возьмем раздевание.<...>

Рубашка, тонкое сукно, батист. Сложная манишка, тонкое кружево.

Под ней еще одна, нижняя...

Вот наконец герой обнажен. Полностью лишен одежды.

Наг. Гол.

Белое тело. Сложен прекрасно. Худощавый. Гармонично, естественно развитая мускулатура. Плечи хорошей ширины, что под одеждой совершенно не считывается.

Ни живота, ни избыточных ляжек. И безо всех этих глупых «кубиков».

Детство в деревне, резвый мальчик. Хорошая наследственность.

Выше — прекрасное, умное лицо, красивое, открытое, живое. Сразу видно: не сноб, не светский зазнайка.

Без гадких усмешечек... До них ли, до всей этой ерунды, суматохи? Полно идей, проектов, увлечений. Планов.

А жизнь одна! (15)

Итак, биографические данные, внешность, нравственный облик героя — всё находит выражение уже в начале повествования, реализуя «потенциал занимательности» — ожидание знакомства с произведениями героя. Они предстают в виде непосредственного восприятия (повествование от 1-го лица), продолжая рассказ. Вот описание строительства земляного Приоратского дворца в Гатчине:

...Я пыталась представить, как среди строителей-землебитцев, крепостных мужиков, облагороженных знанием уникального ремесла, ходит сам Николай Александрович.

Автор важного проекта — заказ самого государя императора! — самолично руководил и наблюдал за ходом строительства <...>

...Вот архитектор на стройплощадке, меж мужиков, толкующих землю, сбивающих дощатые опалубки.

Без сюртука, в рубашке. Не до церемоний, да еще жара...

Интересно, как Львов называл работников? К тому же – собственных учеников...

Братцы? Мужички? (23)

Речь Львова присутствует в тексте: его записки, стихи, басня. Вот его запись о пребывании в Пизе, где видел, разумеется, «висящую колокольню» — тамошнюю башню, оставил рисунки... Достоверно описал свои ощущения от подъема по лестнице... «Ужасное дело видеть сию громаду, почти на воздухе висящую. А войти наверх оной по очень покойной, однако, лестнице из нашей шайки никто, кроме меня, не выбрался; но и я не мог бы более минуты глядеть вниз с ее навесу» (27).

Далее происходит знакомство с одним из построенных им соборов (в Арпачёво). Для выражения того впечатления, которое он произвёл на героев, автор использует не только эмотивную лексику, но и композицию описания и даже такой приём, как увеличение расстояния между строками со значением пауз в речи:

Храм стоял прямо у дороги, похожий в общих чертах на Борисоглебский собор в Торжке, а рядом...

— Ах... ре... неть..., — выдохнул Марк с восхищением. Мы словно попали, просочились на Байконур.

Да, она была похожа на маяк, колокольня-маяк, но гораздо больше на ракету. Страннейшая, какая-то совершенно футуристическая, колокольня винтом врезалась в низкое небо. Храм, церковь иконы Казанской Божьей Матери, имел вид мирный и одновременно величавый, классический, с портиком и колоннами. При этом вместе с колокольней они выглядели слаженным ансамблем (что не новость для детищ Львова), непостижимым и странно торжественным в этом совершенно безлюдном на первый взгляд месте.

Жухлые поля, лес на горизонте, домики метрах в трехстах, дачки.

И — собор (26).

Избранный вид повествования — автофикшн — позволяет автору, соприисутствуя, сопровождать описание своим комментарием: Жизнь, из него выплескивалась жизнь, идеи, фантазии. Начитанность, насмотренность, бесчисленные таланты. Не-стиснутость догмами, свобода гениального самоучки. И, похоже, отменное чувство юмора... Жадность жизни (26).

Близкую мысль высказывает и влюблённый в Львова экскурсовод Саша, поясняя: Почему он в нас, так сказать, стучится... Да просто он созвучен, со-временен нам психическим укладом! Такой хорошей торопыжестостью. Жадностью до жизни. Введенностью... Казалось, что время за ним не попевало, писал о нем, кажется, Хемницер. Его распирало. Он жил проектами (81).

Ему принадлежат не только величественные сооружения, даже хозяйственные и бытовые постройки, вот описание выстроенного им моста: Мост был странно невелик. Скажу больше, невелик он оказался и по своим линейным размерам. По-хорошему, не Мост, а мост, даже мостик. Не очень высокий, не особо длинный. Мост через какую-то, в общем, переплюжку <...> Глянцевые от дождя валуны проложены замшей мха, даже под потоками воды кажущегося сухим и теплым. Опасно невысокие зубья-бортики... И тут вопрос: как такое небольшое сооружение может выглядеть настолько величавым? Мрачно-загадочным, монументальным. Интригующим <...> Может, дело в валунах? Можно досочинить, что Мост сработан бригадой великанов... Хотя это были обычные русские мужики. Или — в пропорциях? (28)

Дальнейшее повествование сообщает о личной жизни Львова, один из эпизодов которой, как предполагали современники, Пушкин использовал в «Метели», о попытках вести коммерческие дела (неудачных). Обосновавшиеся на несколько дней в Черенчицах, герои вечерами читают стихи Державина (друга и родственника Львова) и самого Львова. Они приводятся в тексте. Вот комментарий к ним: — Интересно, — сказала Ася задумчиво. — Сначала стихи кажутся ужасно

архаичными, тяжеловесными, громоздкими. Непроницаемыми, мозг отказывается понимать и принимать их, настолько это туго, неповоротливо. А вчитываешься — свежо, живо. Умно, понятно. Образно. Информационно! Все по делу... Или это мы здесь впали в восемнадцатый век? (48).

В тексте органично соединяются сегодняшний день и век XVIII, который уже не кажется столь далёким, и Львов уже не просто Львов, а наш Львов, мы во Львове, он в нас (95).

В указанных А. Д. Степановым направлениях литературы, как он отмечает, доминирует либо «фантазия», либо «действительность», либо «выбор обоих путей одновременно», в рассматриваемой повести движение осуществляется по третьему пути: сегодняшняя действительность и действительность историческая находятся в непосредственной близости, как бы преодолевая линейность повествования. Так, герои обдумывают своё будущее путешествие в Италию, которое одновременно является и сообщением о путешествии Львова:

— Ну, к чему нужно припасть в Италии? Для лучшего понимания Львова... Причаститься? Давайте, совсем простая задачка! Тем более что вы прямо из Черенциц, а там есть подсказки...

— Храм Весты!³ Верней, то, что от него осталось, четвертушка, или того меньше... Из храма Весты растут ноги у всех Львовских ротонд <...>.

— А Палладио⁴ — старший брат (115).

Заметим, что приобщение к европейской культуре осуществляется не только поездками Львова, но и более глубокими связями, так им осуществлён перевод «Четырёх книг об архитектуре» А. Палладио.

Не утрачен в повести и фактор занимательности: кроме сообщённых фактов, автор вводит фиктивного рассказчика повести о южном путешествии Львова, которое породило его замечательные технологические разработки.

На этом фоне возникает недоумение:

Почему-то забвение шло за ним по пятам, дышаловзатылок. Уже при жизни Львова его проекты начали приписывать другим... Архитектора это не тронет, не расстроит — в ночь с двадцать первого

на двадцать второе декабря 1803 года «гений вкуса» покинет бренный мир (64).

Герои обсуждают сказанное: я все думаю, почему о нем забыли? Почему все кануло, как не было? Идеи, начинания. Будто ластиком стёрто... Ведь все здания, за редким исключением, пришлось заново атрибутировать! Хотя если говорят о русском Леонардо, ясно, что о нем (25).

Предлагаемый ответ: Зависть, не? Чья-то деятельная зависть. Он их бесил, отчаянно... Как тебе такая гипотеза? Или чушь собачья? (Оля) (25)

Предположение, однако, больше в тексте не звучит. Современниками Львова были Кваренги, Менелис, Казаков. Между ними могло быть соперничество, конкуренция, но зависть... Если и была, то вписывалась в другого рода трудности: покорнейше прошу предполагаемых вами на будущее лето казенных построек прислать ко мне без потерянния времени проекты, хотя карандашом сделанные, дабы я мог оные, переправя, тотчас обратиться к вашему превосходительству», — тщетно зывал Львов к предводителям губерний, на территории которых случились архитектурные казусы (23). Открыв состав, предохраняющий снасти и паруса от гниения, он пишет чиновнику: «Препоручая опыт онаго доброму ко мне расположению вашему и известному усердию Вашего Сиятельства к службе отечества, покорнейше прошу в Адмиралтействе не называть изобретателя. Я так несчастлив во всех делах моих, что одно мое имя достаточно остановит успех и полезного дела» (81).

Как видно, речь идёт не только о личных отношениях, но и об объективном миропорядке. На этом фоне проясняется мечта Львова, как её представляет автор, о Воскресении — памяти, что подтверждается словами Саши-экскурсовода:

— Поймите. Львов стучится в меня (Саша ударил себя в гулкую грудь). Я ему нужен... чтобы установить истину.<...> Вы и на полпроцента не понимаете... Ни его значение... Ни сложную, сложнейшую натуру... То, насколько он обогнал, перегнал свое время! (79)

Ротонда в имении Львова воспроизводит Храм-усыпальницу Иисуса в Иерусалиме. Своей

догадкой рассказчица делится с другом, который отвечает:

— Хочешь сказать, — протянул Марк после основательной паузы, — что Львов, планируя собственную усыпальницу, взял прототипом Храм Гроба Господня? Замахнувшись, так сказать, на Ииуса нашего Христа... И проводя некоторые параллели? Смелая гипотеза, Тань... И, конечно, оч-чень литературная.

Я повернулась и посмотрела своему товарищу прямо в умные серые глаза.

— Марк, это не гипотеза. И не предположение. И тем более не писательская догадка. Это так оно и есть (129).

Если и читатель уловил главную мысль автора, которую я ловила, как ящерицу на горячем камне валунного моста... (57), то она не столь оригинальна, сколь точна: творческая мысль, созидательный гений человека неодолимы и священны.

Отметим, что автофикшн обнаруживает непосредственные связи с памятью, историей, в том числе историей науки и культуры, что вообще характерно для настоящего времени. Подтверждением служит, например, серия «интеллектуальных биографий», посвящённых «отцам человечества» и современной цивилизации, выпущенная издательским домом «Дело» «со стилизованными портретами героев (обращая их в персонажи)» [Бавильский 2022].

В заключение вернёмся к заголовку: *Ротонда-трип. История одного проекта*. Будучи аналитической конструкцией, первая его часть представляет оба компонента в исходной номинативной форме, обозначая их «равноправие» в представляемом содержании текста. Замена на близкие по значению Путешествие к ротонде; В поисках ротонды и т.п. с использованием косвенного падежа сужает значение слова ротонда до места назначения, что не адекватно содержанию повести. Слово *проект* со значением плана, перспективы начинаемого предприятия допускает в современном употреблении и значение реализации этого плана.

Таким образом, форма заголовка оказывается точно передающей содержание произведения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее при цитировании в скобках указывается страница журнала «Волга», 2021 г. № 11–12. С. 9–131, где напечатана повесть Т. Риздвенко.

² В. Л. Боровиковский (1757–1825) — один из трёх выдающихся художников-портретистов рубежа XVIII — XIX вв. В Википедии о нём говорится: в 1788 г. переехал в Петербург, жил у Н. А. Львова - архитектора и поэта, умнейшего человека своей эпохи [https://topkartin.ru/hudozhniki/borovikovski] Двое других: Ф. Ст. Рокотов (1735/1808) и Д. Г. Левицкий (1735–1822).

³ Храм Весты — развалины античного храма, посвящённого Весте, римской богине домашнего очага.<...> Храм представлял собой круглое строение, окружённое двадцатью коринфскими колоннами [ru.wikipedia.org/wiki/храм].

⁴ Шедевром Андреа Палладио является Вилла Ротонда в Виченце (проект 1556 года) — первая светская постройка эпохи Возрождения, увенчанная куполом. «Четыре книги об архитектуре» (1570) Палладио были переведены Н. А. Львовым на русский язык.

ЛИТЕРАТУРА

Бавильский 2022 — Бавильский Д. Две биографии. *Новый мир*. 2022, (1). URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_1/Content/Publication6_7928/Default.aspx (дата обращения 16.08.2022).

Риздвенко 2021 — Риздвенко Т. Ротонда-трип. История одного проекта. *Волга*. 2021, (11–12): 9–131.

Соловьёва 2022 — Соловьёва Е. «Кто тут? Не муз ли, вкуса друг?..» Татьяна Риздвенко. Ротонда-трип. История одного проекта. *Знамя*. 2022, (3).

Степанов 2021 — Степанов А. Д. Исчезающее счастье литературы: [эссе, статьи]. М.: ИД «Городец», 2021. 288 с.

Чупова 2021 — Чупова Е. Ключ к литературе. *Санкт-Петербургский университет*. 2021, (6 (3932)): 52–53.

REFERENCES

Бавильский 2022 — Bavlisky D. Two Biographies. *Novy Mir*. 2022, (1) URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2022_1/Content/Publication6_7928/Default.aspx (date of access 16.08.2022) (In Russian)

Риздвенко 2021 — Rizdvenko T. Rotunda Trip. The History of One Project. *Volga*. 2021, (11–12): 9–131. (In Russian)

Соловьёва 2022 — Soloviova, Elena. “Who's Here? Is it the Friend of Muses, the Friend of taste?..” Tatyana Rizdvenko. *Rotunda trip. The history of one project*. 2022, (3). (In Russian)

Степанов 2021 — Stepanov A. D. *Disappearing Happiness of Literature: [essays, articles]*. М.: Publishing House “Gorodets”, 2021. 288 p. (In Russian)

Чупова 2021 — Chupova E. The Key to Literature. *St. Petersburg University*. 2021, (6 (3932)): 52–53. (In Russian)